

дения (см выше, стр. 166), в целом ряде случаев в *Л* изображается один Дмитрий, в то время как в других списках в параллельных миниатюрах рядом с Дмитрием присутствует Владимир (10, 11, 12, 20, 32, 39). В тех случаях, когда Дмитрий и Владимир выступают в *Л* вместе, первенствующее положение Дмитрия обозначено не только тем, что он, как это имеет место и в остальных списках, всегда впереди Владимира, но и большей активностью, обособленностью его позы, жестов (13, 14, 15, 30). Такой характер изображения в *Л* Дмитрия и Владимира свидетельствует и о более точном следовании миниатюриста духу и тексту произведения (там, где Дмитрий изображается один, в контексте упоминается одно его имя), и о большей архаичности миниатюр *Л*.

Д. С. Лихачев не случайно упомянул в связи с миниатюрами *Л* новгородскую икону XV в. «Молящиеся новгородцы» и Радзивиловскую летопись. С новгородской иконой миниатюры *Л*, там, где изображены стоящие группы людей в торжественных позах, объединяет и сама эта торжественность, и характер изображения одежды, и — это, пожалуй, наиболее ярко бросается в глаза — одинаково удлиненное изображение человеческих фигур (см. в *Л* миниатюры 5, 13, 14, 16, 23, 38, 46, 60, 55, 64). В этом отношении, кстати говоря, миниатюры *Л* существенно отличаются от миниатюр Радзивиловской летописи.

Провести какие-либо прямые аналогии между миниатюрами *Л* и Радзивиловской летописи мы не можем. Но целый ряд особенностей миниатюр *Л*, отличающих их от миниатюр остальных лицевых списков «Сказания», позволяет сопоставить их с миниатюрами Радзивиловской летописи.

Изображение строений в *Л*, резко отличаясь от архаической и северной группы, имеет много общего с изображением строений в Радзивиловской летописи. В *Л*, как и в последней, очень часто справа и слева нарисованы постройки в виде башен, объединенные прямыми линиями, а на фоне этих строений изображается какое-то действие. Как и в Радзивиловской летописи, рисунки строений в *Л* отличаются угловатостью форм, сухостью и прямолинейностью. 21-я миниатюра *Л* изображает сложные, многоступенчатые, поднимающиеся вверх пирамидой хоромы — «златоверхий терем», в окне которого изображены плачущие великая княгиня и жена князя Владимира. Характер изображения терема на этом рисунке близок к характеру изображения богатой, пышной постройки в рассказе Радзивиловской летописи о пожаре во Владимире под 1185 г.³⁰

Очень похожи трон, на котором сидят князья в *Л*, и княжеский стол в Радзивиловской летописи. Сходно с Радзивиловской летописью рисуются в *Л* деревья, птицы, ладьи, ритуал передачи из рук в руки грамот. Изображение на 17-й миниатюре *Л* преклонения Дмитрия и Владимира перед гробницей Петра сходно с изображением погребений в Радзивиловской летописи (сходно нарисованы гробница и позы людей, склоняющихся над гробницей). Небо в Радзивиловской летописи изображается в виде полукруга, обращенного окружностью вниз и ограниченного сверху прямой линией. Внутри этого полукруга рисуются то звезды, то солнце, то месяц. Точно так же изображено небо на 52-й миниатюре *Л*, и в сфере этого неба показаны руки, держащие мученические венцы. Общие черты прослеживаются и в характере изображения сражающихся войск (поднятые вверх мечи у воинов в первом ряду, направленные навстречу друг другу копья, развевающиеся над войском знамена), и в том, как изображается пресле-

³⁰ Радзивиловская или Кенигсбергская летопись Фотомеханическое воспроизведение рукописи Изд. ОЛДП, 1902, л. 230.